

Зотова С.В. О сибирских кельтах сейминско-турбинского типа // КСИА. - М.: Наука, 1964. - Вып. 101. - С. 59 - 63.

Кирюшин Ю.Ф. Наконечник копья сейминско-турбинского типа с Алтая // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. - Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 1992а. - С. 43 - 44.

Кирюшин Ю.Ф. О феномене сейминско-турбинских бронз и времени формирования культур ранней бронзы в Западной Сибири // Северная Евразия от древности до средневековья. - СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 1992б. - С. 66 - 69.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Васюганья. - Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1979. - 182 с.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. - М., 1976. - 59 с.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. - М.: Наука, 1981. - 278 с.

Крижевская Л.Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. - Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1977. - 128 с.

Кузьмина Е.Е. Три направления культурных связей андроновских племен и хронология андроновской культурной общности // Северная Азия от древности до средневековья. - СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 1992. - С. 44 - 45.

Матюшенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. - Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1973. - Ч. 2: Самусьская культура. - 208 с. - (Из истории Сибири; Вып. 2).

Матюшенко В.И., Сеницина Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. - Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1988. - 135 с.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. - Новосибирск: Наука, 1977. - 173 с.

Молодин В.И. Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлургия Сибири. - Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1983. - С. 96 - 109.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. - Новосибирск: Наука, 1985. - 200 с.

Полосьмак Н.В. Керамический комплекс поселения Крохоловка-4 // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. - Новосибирск: Наука, 1978. - С. 36 - 46.

Уманский А.П. Находки эпохи бронзы из Верхнего Приобья // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. - Барнаул: Гос. пед. ин-т, 1992. - С. 18 - 27.

Уманский А.П., Демин М.А. Наконечники копий сейминско-турбинского типа на Алтае // Древние горняки и металлургия Сибири. - Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1983. - С. 143 - 150.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. - М.: Наука, 1987. - С. 84 - 105. - (Археология СССР).

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. - М.: Наука, 1989. - 320 с.

Материал поступил в редколлегию 19.01.99 г.

А.Д. Пряхин

*Воронежский государственный университет,
Университетская пл., 1, 394693 Воронеж, Россия
E-mail: rood@adm.wcu.ru*

К ОЦЕНКЕ ПРЕСТИЖНЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ ВОЛГО-ДОНСКОЙ АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ КУРГАНА СЕЛЕЗНИ-2

Одним из достижений в изучении эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи явилось осмысление гигантских культурно-исторических образований, базирующихся не только на близкой этнической подоснове, но и на единстве, явившемся следствием конкретной исторической ситуации (пастушеско-скотоводческий уклад хозяйства, складывание пространственных систем, которые все более уверенно рассматриваются в рамках постпервобытности).

Одно из такого рода образований просматривается за массивами памятников абашевской культурно-исторической общности второй четверти II тыс. до н. э., распространенных на территории урало-волго-донской лесостепи и прилежащих пространствах степной зоны, а отчасти и в лесном Поволжье.

Масштабные исследования последнего времени целой серии памятников в Южном Зауралье, некогда относимых К.В. Сальниковым к абашевским [1967, с. 22 - 44], а ныне все чаще оцениваемых как отдельная синташтинская археологическая культура, привели к восприятию их как чуть ли не отправных в оценке тех процессов, которые имели место на степных и лесостепных пространствах не только Заволжско-Уральского, но и Приволжско-Донского региона. И если немногим более 20 лет назад К.Ф. Смирнов и Е.Е. Кузьмина, выделяя на Южном Урале памятники новокумакского хронологического горизонта, подчеркивали мысль о роли западного (восточно-европейского) импульса в их формировании (культуры полтавкинской, абашевской, многоваликовой керамики) [1977, с. 38 и др.], то сейчас синташтинский импульс усматривается далеко за пределами Южно-Уральского региона, в том числе и на территориях к западу от Волги [Отрощенко, 1996, с. 14 - 16; 1998, с. 50 - 51]. О восточном компоненте в пласте престижных захоронений абашевского времени лесостепного Подонья пишет А.Т. Синюк, предлагая выделение покров-

ско-абашевской археологической культуры [1996, с. 202 - 208]. Нетрудно заметить, что это не согласуется с представлениями о значительной роли волго-донских абашевцев в становлении как абашевской культурно-исторической общности, так и в тех процессах, которые имели место в эпоху средней бронзы в евразийской степи и лесостепи, на что неоднократно обращали и продолжают обращать внимание многие исследователи.

Поэтому важно обеспечить полноценное введение в систему анализа еще не задействованных или мало задействованных, но обладающих наибольшими информационными возможностями памятников, прежде всего тех из них, которые исследованы в последнее время. К таковым относится курган 1 могильника Селезни-2 в бассейне р. Цны (Тамбовская обл.), исследованного в 1997 г. экспедицией Тамбовского областного краеведческого музея и Воронежского госуниверситета [Пряхин, Моисеев, Беседин, 1998, с. 3 - 30].

Высота кургана на момент раскопок 1,6 м, диаметр 50 м. Высота в абашевское время, даже с учетом досыпки в срубное время, была несомненно большей - в пределах 2 м, при диаметре 30 м.

Под центром насыпи помимо разрушенного распашкой впускного захоронения срубной культурно-исторической общности оказались четыре располагавшиеся попарно по линии восток - запад могильные ямы и остатки девяти жертвоприношений абашевского времени (рис. 1).

Одна из пар могильных ям (1, 2) находится к югу от центра насыпи. Могильная яма 1 почти квадратной формы. Ее размеры 4,2 x 4,2 м при глубине от уровня погребенной почвы 1,7 м. Ближе к центру есть ямка от столба. На дне - органическая подстилка.

Инвентарь включает два ножа-кинжала с намечающимся перекрестием и ромбическим окончанием

черешка (рис. 2, 1, 2). Один из них, скорее всего, с перекрытия, другой вместе с костями конечности мелкого животного был помещен на деревянное блюдо (?). В разных частях могильной ямы найдены четыре бронзовых жальца с притупленным краем (рис. 2, 3 - 6), некогда находившиеся в деревянной основе, и еще одно жальце, вставленное в деревянную рукоять, обрамленную костяным навершием (рис. 2, 7). Навершие имеет поперечный желобок со следами потертости поверхности.

Вблизи от юго-западного угла могильной ямы лежали два четырехшипных орнаментированных псаля с почти истлевшими щитками. Торцы вставных шипов украшены, в том числе и мальтийским крестом (рис. 2, 8, 9). В могильной яме есть части еще двух псаляев со вставными шипами (рис. 2, 10, 11). Один из них костяной, с орнаментированным щитком, другой был скорее деревянный. Найдены амулет из сильно заполированного клыка медведя (рис. 2, 12) и серия астрагалов, 25 из которых лежали кучкой. В могильной яме на разной глубине находились три ребра животных, два из них имели следы использования при копке грунта, одно ранее использовалось в кожанном производстве.

Из 14 найденных в могильной яме наконечников стрел 12 лежали компактно вблизи ее центра (рис. 2, 15 - 26). Почти все они треугольной формы, и только один несколько сужается к основанию. Наконечники стрел выполнены из цветного кремня, а один кварцитовый. Еще два, лежавших отдельно, наконечника стрел иволистной формы (рис. 2, 13, 14). Сделаны из качественного темного кремня.

В могильной яме также находились булава из мраморовидного известняка, относящаяся к разновидности грушевидных с бортиком (рис. 2, 27), и два каменных кузнечных орудия труда, одно из которых применялось и для растирания охры (рис. 2, 28, 29).

Тремя экземплярами представлены глиняные сосуды: два приземистых колоколовидных горшка (рис. 2, 30, 32) и один горшок с четко выделяющимся плечиком (рис. 2, 31). Два сосуда - с пола, части одного (рис. 2, 30) находились в заполнении могильной ямы. В тесте всех трех сосудов есть примесь ра-

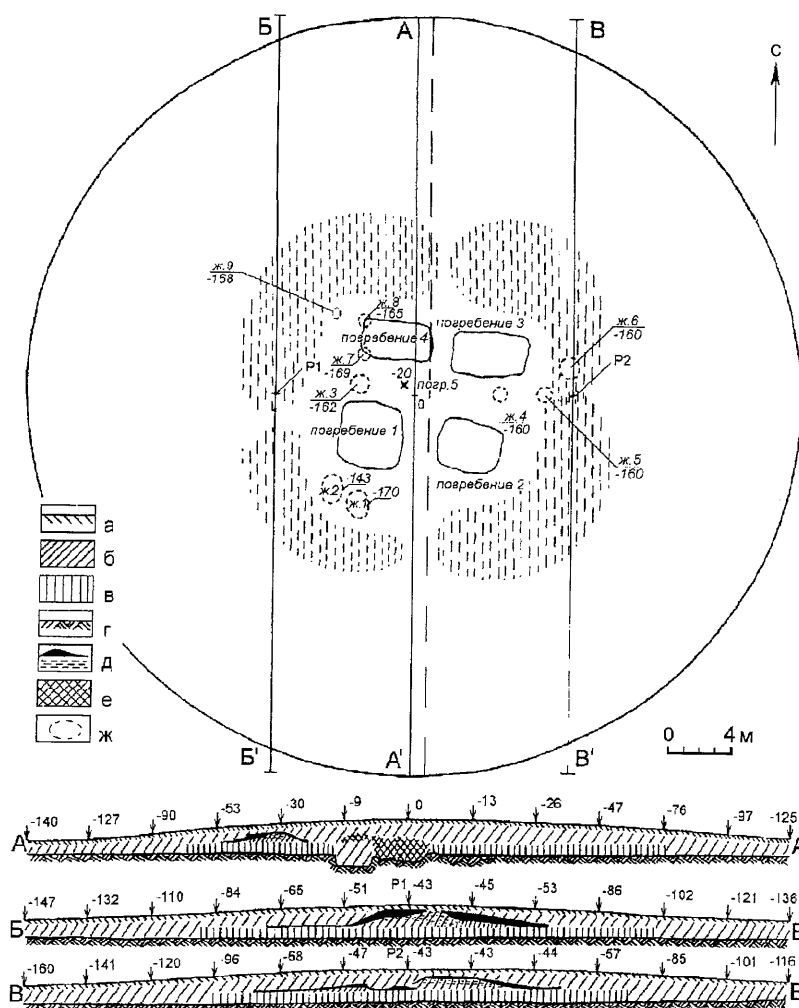

Рис. 1. План и профили кургана 1 могильника Селезни-2.

а - пахотный слой; б - чернозем; в - погребенная почва; г - материк; д - глинистый выброс; е - нарушенные участки; ж - жертвенные места.

кушки и органики. Особенностью одного из сосудов (рис. 2, 32) является нанесение на его поверхность дополнительной подмазки, что для абашевской керамики не свойственно, но встречается на позднекатакомбной и многоваликовой керамике. Да и украшение этого сосуда рядом ногтевых зашипов - это тоже заимствование. На двух других сосудах представлены широкие расчески, имеющие и орнаментальную нагрузку. А на одном из них в верхней части идут горизонтальная линия и зигзаг, выполненные оттиском шнура.

В центре могильной ямы найдены мелкие кости птицы (?).

Погребение 2 совершено в ориентированной почти по линии восток - запад могильной яме, имеющей размеры 3,05 x 4,1 м при глубине от уровня погребенной почвы 1,3 м. В ее основании фиксировались органическая подстилка, меловое пятно диаметром 20 см и древесный тлен, скорее всего от перекрытия.

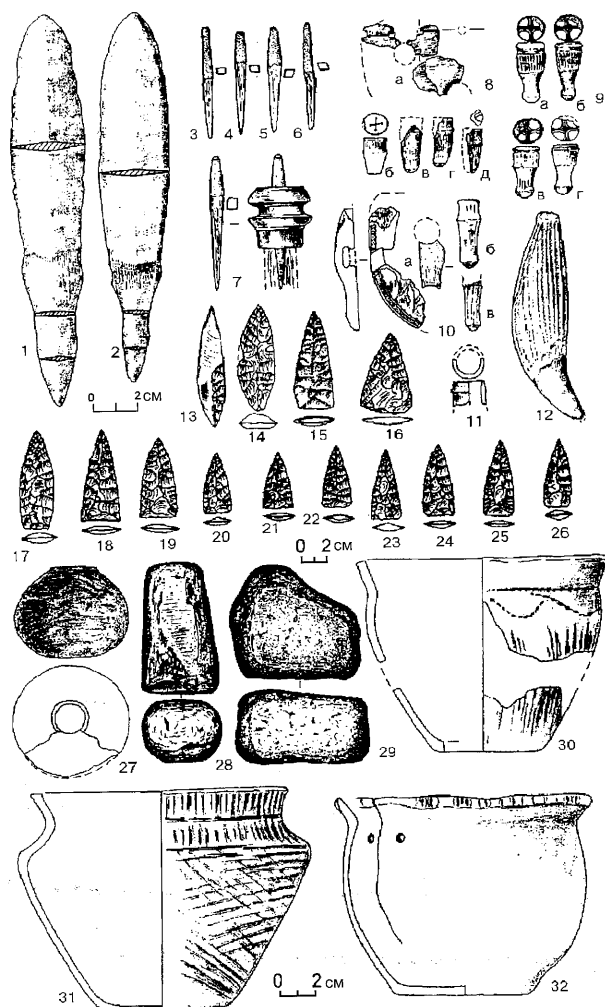

Рис. 2. Инвентарь погребения 1.

В могильной яме, также как и в первой, оказались два ножа-кинжала с намечающимся перекрестием и ромбическим окончанием черенка (рис. 3, 1, 2). Один из них лежал на полу, другой обнаружен в заполнении могильной ямы. Своеобразны найденные у восточной стены две близкие по функциональному назначению, имеющие сработанные боковые отверстия костяные втулки. Внутри втулок находились остатки дерева со вставленными в деревянную основу бронзовыми жальцами (рис. 3, 3, 4). В разных частях могильной ямы найдены обломки двух плоских в сечении бронзовых скоб (рис. 3, 5, 6) и бронзовая пронизка (рис. 3, 7).

В могиле обнаружены клык кабана и два вставных шипа дисковидного псалия, на одном из которых сохранилась орнаментация: вписанный в окружность мальтийский крест (рис. 3, 8а). На пространстве между центром могильной ямы и ее южным углом лежали четыре кремневых наконечника стрел той же формы, что и наконечники из колчана в погребении 1 (рис. 3,

9 - 12), а поблизости - два кремневых трапецевидных по форме орудия (рис. 3, 13, 14). У восточного угла могильной ямы находился кузнечный молоточек с охристым слоем на его поверхности (рис. 3, 15).

Два найденных в погребении сосуда - целые (рис. 3, 16, 17). Это колоколовидный горшок и маленький острореберный сосудик с крышечкой. Оба они украшены орнаментом, выполненным зубчатым штампом. Третий сосуд представлен незначительными обломками.

Еще одна пара могильных ям (3, 4) находится к северу от центра насыпи. Погребение 3 совершено в прямоугольной яме, ориентированной длинной осью по линии восток - запад, размеры которой 2,8 x 4,8 м при глубине от уровня погребенной почвы 1,3 м. Остатков органической подстилки не зафиксировано.

У северо-восточного угла могильной ямы уже за ее пределами на уровне погребенной почвы найдены орнаментированный сосудик с двумя отверстиями для подвешивания (рис. 4, 13), кузнечный молоточек (рис. 4, 10) и псалий с четырьмя вставными шипами (рис. 4, 4). Псалий имеет округлый щиток с центральным отверстием для удилища и двумя парами удлиненно-овальных отверстий для крепления наносного и нащечного ремней. Щиток и торцы шипов, орнаментированы, в частности, вокруг центрального отверстия находится фигура в виде сегнера колеса с шестью заштрихованными лопастями и завитком спирали, а торцы всех шипов украшены четырьмя окружностями с точкой в центре.

В западную стенку могильной ямы был воткнут цельнолитой, имеющий боковое ушко бронзовый наконечник копья (рис. 4, 1). На полу могильной ямы найдены бронзовое обоюдоострое шило (рис. 4, 2) и жальце с притупленным краем (рис. 4, 3). Ближе к центру находились два вставных, разных по характеру изготовления и орнаментации шипа от псалиев (рис. 4, 5, 6) и округлая костяная пряжка с центральным и двумя периферийными отверстиями (рис. 4, 7). В южной части могильной ямы встречены два астрагала. В разных частях могильной ямы находились два треугольных в плане кремневых наконечника стрел (рис. 4, 8, 9) и два сосуда. Один из них - крупный колоколовидный горшок, поверхность которого обработана широкими расчесами (рис. 4, 11), с внутренней стороны эти расчесы образуют желобчатость. Другой - небольшой неорнаментированный приземистый горшок с массивной донной частью (рис. 4, 12).

Погребение 4, так же как и третье, совершено в удлиненной прямоугольной, имеющей ту же ориентировку могильной яме. Да и размеры ее близкие (2,4 x 5 м при глубине от уровня погребенной почвы в пределах 1 м). На дне могильной ямы фиксируются остатки органической подстилки, небольшое охристое пятно и древесный тлен, скорее всего от перекрытия.

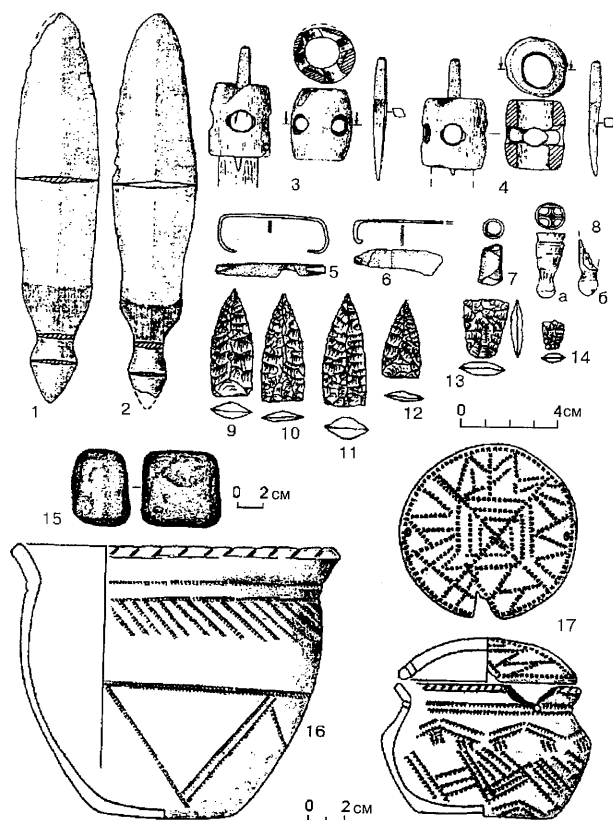

Рис. 3. Инвентарь погребения 2.

Инвентарь наиболее многочисленный. Изделия из бронзы включают нож-кинжал с намечающимся перекрестием и ромбовидным окончанием черешка, на котором сохранились отпечатки футляра (рис. 5, 1), жальце с притупленной рабочей частью с остатками берестяного футляра (рис. 5, 2), шило с остатками деревянной рукоятки (рис. 5, 3), три бронзовые скобки (рис. 5, 4, 5), две из которых, возможно, служили для скрепления берестяной коробки (?), и обломок обкладки.

В погребении найдены две пары псалиев и фрагменты еще одного. Щитки обнаруженных у северной стены могильной ямы псалиев фигурной восьмеркообразной формы, с четырьмя вставными шипами (рис. 5, 6, 7). Центральное и торцевое отверстия сработаны. Примыкающая планка имеет подтреугольную форму и отверстия для крепления наносного ремня. Внешняя поверхность псалиев орнаментирована.

Вторая пара псалиев, из центральной части могильной ямы, имеет щитки сегментовидной формы со вставными шипами, центральным и торцевым отверстиями, примыкающей неширокой планкой, на которой есть ряд отверстий (рис. 5, 8, 9). Орнаментация этой пары псалиев сходна, но не тождественна. У од-

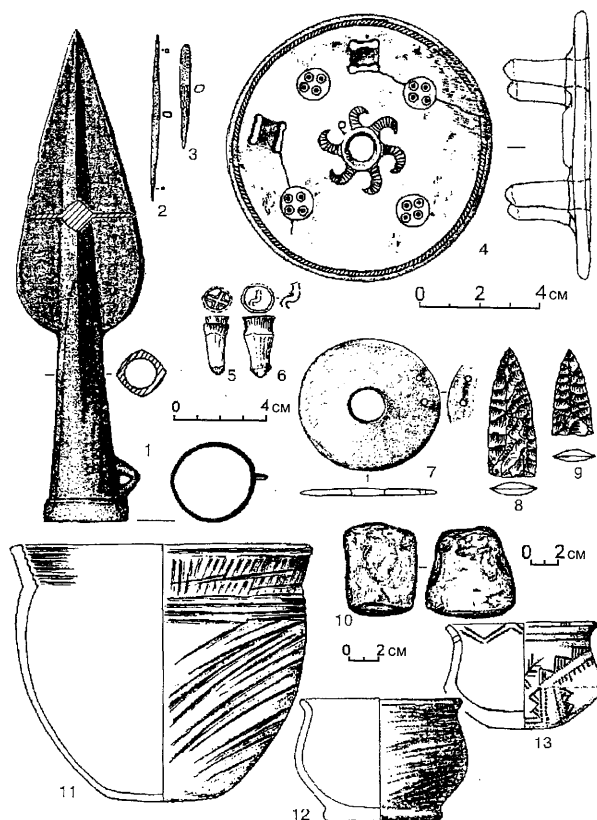

Рис. 4. Инвентарь, связываемый с погребением 3.

1 - 3, 5 - 9, 11, 12 - из могильной ямы;
4, 10, 13 - перекрытия могильной ямы.

ного псалия примыкающее к центральному отверстию пространство обрамлено шестилучевой (?) звездой с двумя Т-образными отростками у каждого луча. У другого - обрамление в виде сегнерова колеса. Есть отличия и в орнаментации под планкой. Что же касается пятого, плохо сохранившегося псалия, то он с монолитными шипами (рис. 5, 10).

В центральной части могильной ямы найдены две округлые костяные пряжки с большим центральным и двумя боковыми отверстиями (рис. 5, 11, 12), одна из которых длительное время была в употреблении. Две костяные застежки (одна целая, другая сохранилась частично - рис. 5, 13, 14) находились у северной стены могильной ямы среди обломков керамики. В могильной яме оказались два скопления астрагалов и обломок ребра животного со следами употребления при рыхлении грунта.

Многочисленна серия кремневых наконечников стрел все той же треугольной формы (рис. 5, 15 - 27), 11 из которых лежали компактно в центральной части могильной ямы вблизи от пары псалиев фигурной формы. В разных частях могильной ямы найдены кузнечный молоточек и молоточек - абразив по металлу (рис. 5, 28, 29).

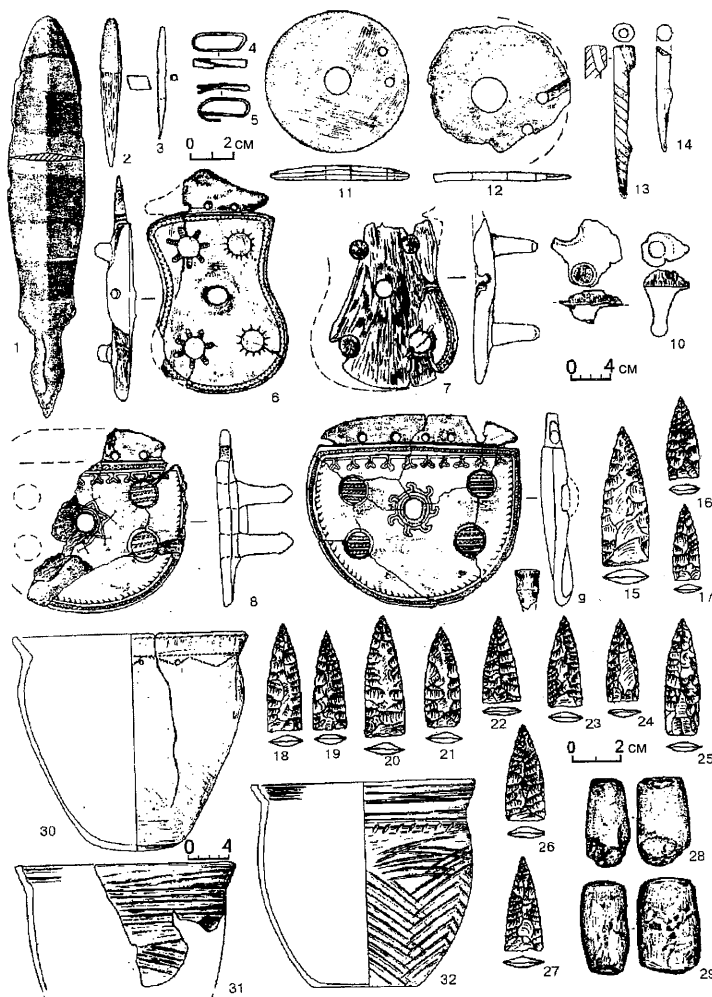

Рис. 5. Инвентарь погребения 4.

Обнаруженные в могильной яме сосуды - колоколовидные, вытянутые, с примесью ракушки и органики в тесте (рис. 5, 30 - 32). Все они значительных размеров.

Внешняя поверхность двух сосудов покрыта четко выраженными широкими расчесами. Поверху это каннелюры, которые фиксируются как с внешней, так и с внутренней стороны. В одном случае каннелюры завершаются горизонтальным рядом боковых вдавлений. Нижняя часть этого сосуда покрыта расчесами, образующими вертикальную "елочку", кстати сказать, достаточно широко представленную на керамике позднего этапа среднедонской катакомбной культуры.

Еще один сосуд, на котором расчесы были заглажены еще до обжига, украшен по срезу венчика рядом боковых вдавлений, а ниже - оттисками шнура, образующими горизонтальную линию и один ряд треугольников. Этот сосуд треснул и был впоследствии скреплен.

Отличительной чертой всех абашевских погребений селезневского кургана является отсутствие ко-

стяков. Поскольку сохранность костных остатков в кургане в общем удовлетворительная, по сути дела, это особенность погребального обряда.

Все четыре могильные ямы имели деревянные перекрытия, на которые помещались отдельные предметы.

С погребениями связываются девять жертвоприношений, представленных черепами и костями конечностей лошади. Два скопления костей (7 и 8), залегавшие на уровне погребенной почвы в районе северо-западного и юго-западного углов могильной ямы 4, скорее всего, первоначально были на перекрытии. С этим же захоронением, надо думать, связаны и находившиеся в 2 м от могильной ямы залегавшие на уровне погребенной почвы остатки жертвоприношения 9. Два скопления костей (1, 2), судя по расположению, относятся к погребению 1. Одно из них было на уровне погребенной почвы, а другое оказалось углубленным в слой погребенной почвы примерно на 30 см. Остатки жертвоприношения 6, залегавшие на уровне погребенной почвы и перерезавшие могильный выкид из погребения 3, скорее всего, связаны с погребением 2.

Находящиеся на уровне погребенной почвы остатки жертвоприношения 3 - 5 как бы связывают в единое целое две пары абашевских захоронений в кургане.

Площадь, где расположены могильные ямы и жертвенные места, четко ограничена. Каждой из могильных ям соответствует свой, располагавшийся компактно выкид. Могильные выкиды образуют четко выраженную систему. Между ними есть три прохода. Такого рода прохода нет только с восточной стороны: выкид из могильной ямы 2 частично перекрывал выкид из могильной ямы 3.

Показательно, что выкиды из всех могильных ям лежат на уровне погребенной почвы. Это свидетельствует о возведении насыпи уже над всем комплексом абашевских захоронений и жертвенных мест.

Поскольку выкид из второй могильной ямы частично перекрывает выкид из третьей могильной ямы, погребение 2, очевидно, совершено позже погребения 3. То же можно предположить и относительно соответствующих пар захоронений (1, 2 и 3, 4), т.е. пары захоронений не одновременны. Но хронологический разрыв между ними вряд ли был значительным. Не случайна однотипность встреченных в погребениях ножей-кинжалов, наконечников стрел, костяных пряжек. Последние, кстати сказать, вообще свойственны для донского региона [Матвеев, 1996, с. 32,

рис. 3, 1, 2, 4, 8] и куда реже представлены на более восточных территориях.

Все находившиеся под курганом захоронения и отдельные жертвенные места - это, по сути дела, единая четырехчленная система, возникшая не одновременно, но заложенная заранее в саму идею погребального комплекса.

Судя по инвентарю, рассмотренные погребения - волго-донские абашевские. В этом отношении наиболее показательна керамика: как правило, это сосуды, в том числе и маленькие острореберные, достаточно обычные для комплексов именно данной абашевской культуры. Некоторым своеобразием отличаются лишь два сосуда. Один из них (см. рис. 2, 32), как уже говорилось, являясь абашевским, имеет черты, свойственные для позднекатакомбной и многоваликовой керамики. Своим обликом выделяется и неорнаментированный приземистый горшок из погребения 3 (см. рис. 4, 12), прямых аналогов которого в погребальных комплексах волго-донской абашевской культуры нами не обнаружено. Показательно и то, что в керамической серии нет сосудов, характерных для средневолжской, как, впрочем, и уральской, абашевских культур. Тем более здесь отсутствуют сколько-нибудь выраженные проявления, свойственные для керамических традиций зауральских "синташтинцев".

Особо следует сказать о дисковидных псалиях с шипами. Несмотря на разную конфигурацию щитков, они относятся к распространенному на территории Подонья и в смежных районах Поволжья так называемому волго-донскому (староюрьевскому) типу псалиев, для которых характерны крепление нащечного ремня к щитку, преобладание традиции изготовления вставных шипов и наличие орнаментации внешней поверхности щитка [Пряхин, Беседин, 1998, с. 24 - 29]. Определенным своеобразием отличается лишь псалий, найденный вблизи от северо-восточного угла третьей могильной ямы, который по форме щитка и способу прикрепления ремней оголовья близок псалию из Трахтемирова [Лесков, 1964, с. 299, рис. 1]. В представительной серии из данного кургана не оказалось псалиев южно-уральского (синташтинского) типа, ведущие отличительные признаки которых - крепление нащечного ремня на планке, преобладание монолитных шипов и неорнаментированность поверхности щитков. И это несмотря на то, что известны случаи взаимовстречаемости дисковидных псалиев обоих типов [Пряхин, Беседин, 1998, с. 33, рис. 8] что, кстати сказать, не позволяет признать последние более ранними, как это делает Е.Е. Кузьмина [1994, с. 171 - 180, рис. 37].

Все четыре захоронения - престижные. Не случайно наличие во всех них связываемых с упряжью колесниц псалиев с шипами. С управлением колесницей,

скорее всего, связаны и завершавшиеся костяными втулками с выступающим, воткнутым в деревянную основу жалцем "древки", выполнявшие, возможно, и функцию своего рода штандартов (особенно из погребения 2).

Во всех погребениях присутствуют предметы вооружения: бронзовое копье, ножи-кинжалы, наборы подтреугольных наконечников стрел. В двух случаях ножей-кинжалов было по два (погребения 1 и 2). Каждая из пар ножей-кинжалов, судя по характеру проковки, сделана одним мастером. Примечательно отсутствие ножей-кинжалов в погребении 3, где есть наконечник копья. Вряд ли случайно также наличие колчанов со стрелами в погребениях, где есть ножи-кинжалы, и их отсутствие в могильной яме 3, где есть наконечник копья.

Престижность захоронений подтверждается фактом обнаружения в одном из них каменной булавы. Вряд ли случайно и то, что в каждой из пар захоронений оказалось по одному ритуальному богато орнаментированному острореберному сосуду с четко выраженной календарной символикой. Особый статус умерших подчеркивает и наличие в одной из могил каждой пары мела и охры. Высокому статусу умерших не противоречит и факт обнаружения во всех захоронениях астрагалов (скорее всего кабаньих). Не отражение ли это своего рода престижных охот - развлечений элиты древних обществ? И конечно же, высокий социальный статус лиц, с которым связана система захоронений селезневского кургана, подчеркивается наличием системы жертвоприношений. В жертву было принесено не менее 12 коней.

Показательно присутствие во всех могильных ямах кузнечных каменных орудий труда, свидетельствующих о наделении захороненных и сакральными производственными функциями, реализуемыми через идею "кузнеца". Другим доводом в пользу сказанного является то, что одно из двух кузнечных орудий из погребения 1 применялось и для растирания охры, а на кузнечном молоточке из погребения 2 был охристый слой.

Весьма интересно и то, что, несмотря на высокий социальный статус захороненных, их сопровождают предметы, как правило, уже бывшие в употреблении, в том числе и в длительном.

Было бы уместным попытаться выявить закономерность в местонахождении отдельных предметов в каждой могильной яме. Но сколько-нибудь очевидной системности в их расположении не проявляется. Да и сама достоверность результатов такого анализа снижается наличием перекопов (норы грызунов).

Но как бы то ни было, перед нами представители военной знати - колесничие - аристократическая верхушка, выполнявшая и определенные сакральные функции.

Погребения селезневского кургана относятся к развитому этапу волго-донской абашевской культуры, соответствующему по времени уже сложившейся абашевской культурно-исторической общности. Обращает на себя внимание факт обнаружения в одном из погребений селезневского кургана бронзового наконечника копья с литой подромбической в районе пера втулкой. Вспомним, что близкий по пропорциям наконечник копья, но с несомкнутой втулкой происходит из погребения 1, относящегося к той же культуре, в Кондрашкинском кургане недалеко от Воронежа, где наряду с другим инвентарем представлен и дисковидный псалий со вставленными шипами [Пряхин и др., 1998, с. 16, рис. 4, 1]. Не лишним будет сказать, что такого рода наконечники копий есть в комплексах с дисковидными псалиями и на более восточных территориях, в том числе и в захоронениях синташтинского типа в Зауралье [Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992, с. 176, рис. 88, 3; с. 195, рис. 100, 10, 11]. Присутствие в погребениях данного пласта подобных наконечников копий, ножей-кинжалов с намекающимся перекрестием, как, впрочем, и факт встречаемости к западу от Волги абашевских захоронений литейщиков, где в инвентаре представлены глиняные литейные формы для отливки вислообушковых топоров (Кондрашевка, Октябрьский, Пепкинский курган), подтверждает наличие у абашевского населения уже в это время сложившихся традиций металлообработки, кстати сказать, затем наследуемых представителями срубной культурно-исторической общности [Пряхин, Саврасов, 1997, с. 56 - 66].

Есть основания говорить о синхронизации селезневских погребений с той частью захоронений ныне широко известного Потаповского курганного могильника в Заволжье, в которой четко прослеживаются абашевско-синташтинские черты [Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994], как, впрочем, и с самим Синташтинским комплексом памятников в Зауралье. Иными словами, получает дальнейшее подтверждение правомерность выделения хронологического пласта памятников второй четверти II тыс. до н. э., одним из характерных показателей которого является распространение дисковидных псалиев с шипами. Применительно к волго-донской абашевской культуре в него включаются памятники не только развитого, но и позднего этапа, в том числе так называемые покровские (памятники, переходные между волго-донской абашевской культурой и собственно срубными древностями). Причем на позднем этапе волго-донской абашевской культуры наряду с дисковидными псалиями, правда, уже видоизмененными, получают распространение и псалии из расколотой пополам кости, имеющие шипы.

Данный хронологический пласт предшествует мосоловскому горизонту памятников поздней

бронзы - древности срубно-алакульского мира [Пряхин, 1993, с. 147 - 160; 1997, с. 49 - 53]. Показательно, что на раннем этапе функционирования самого Мосоловского поселения металлургов-литейщиков срубной культурно-исторической общности еще фиксируются позднеабашевские ("покровские") черты.

Вряд ли случайно, что престижные захоронения, сопровождающиеся дисковидными псалиями с шипами, будучи достаточно широко представленными на лесостепных и прилегающих степных пространствах, до сих пор не найдены на основной территории распространения памятников средневолжской абашевской культуры. В то же время их концентрация отмечается в цининско-воронежском междуречье (Волго-Донской регион) и в районе распространения укрепленных поселений синташтинского типа (Южное Зауралье). Причем ни о каком хронологическом "приоритете" последних говорить не приходится, особенно если иметь в виду факт наличия в Подонье стратиграфически выверенного пласта абашевских памятников предшествующего времени.

Размышляя над феноменом престижных захоронений абашевского мира, приходишь к мысли, что настало время акцентировать внимание не только на осмыслении отдельных абашевских культур, их вариантов, абашевских проявлений на других территориях. Не менее важно выйти на целостное восприятие этого мира. Только с таких позиций возможна оценка системы укрепленных поселков и составляющих с ними единое целое некрополей и курганов - святыщ синташтинского типа в Зауралье; факта сосредоточения престижных абашевских захоронений в цининско-воронежском междуречье, оценка отстоящих на значительные расстояния друг от друга групп и отдельных курганных могильников лесного Поволжья. За этими фактами просматривается построенная на пространственном принципе система организации "единого целого", что, надо думать, является одним из показателей социально-экономического развития постпервобытных в своей основе пастушеских скотоводческих групп населения евразийской степи и лесостепи эпохи бронзы. Выделяемая археологами абашевская культурно-историческая общность и мир культур, в которых проявляется абашевский компонент, - один из примеров такого рода.

Список литературы

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. - Самара: Изд-во Самар. гос. ун-та, 1994. - 280 с.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. - Челябинск: Южно-Урал. изд-во, 1992. - Вып. 1. - 408 с.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. - М.: МГП "Калина", ВИНТИ РАН, 1994. - 464 с.

Лесков А.М. Древнейшие роговые псалии из Трахтемирова // СА. - 1964. - № 1. - С. 299 - 303.

Матвеев Ю.П. Костяные пряжки и относительная хронология культур эпохи бронзы донецко-волжского региона // Доно-донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи: Тез. докл. и мат-лы конф. - Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1996. - Вып. 1. - С. 27 - 33.

Отрошенко В.В. О происхождении и распространении склепов колесничих // Доно-донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. - Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1996. - Вып. 2. - С. 14 - 16.

Отрошенко В.В. О культурно-хронологических группах погребений Потаповского могильника // РА. - 1998. - № 1. - С. 43 - 48.

Пряхин А.Д. Мосоловский пласт памятников эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи // Культура народов евразийской степи и лесостепи в древности. - Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1993. - С. 146 - 160.

Пряхин А.Д. До виділення Мосолівського горизонту доби пізньої бронзи Евразійського степу та лісостепу // Археологія. - Київ, 1997. - № 3. - С. 49 - 56.

Пряхин А.Д., Беседин В.И. Конская узда периода средней бронзы в восточноевропейской степи и лесостепи // РА. - 1998. - № 3. - С. 22 - 35.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., Левых Г.А., Матвеев Ю.П. Кондрашкинский курган. - Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1998. - 20 с.

Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И. Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры. - Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1998. - 44 с.

Пряхин А.Д., Саврасов А.С. Развитие традиций производственной деятельности в абашевско-срубное время (памятники воронежского микрорайона) // Археологические памятники Среднего Поочья. - Рязань: НППЦ, 1997. - С. 56 - 67.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. - М.: Наука, 1967. - 48 с.

Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. - Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. пед. ин-та, 1996. - 252 с.

Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. - М.: Наука, 1977. - 82 с.

Материал поступил в редколлегию 01.04.99 г.

УДК 903.5

В.И. Гуляев, Е.И. Савченко

Институт археологии РАН,
ул. Дм. Ульянова, 19, 117036 Москва, В-36, Россия

НОВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ЗНАТНОГО ВОИНА СКИФСКОЙ ЭПОХИ НА СРЕДНЕМ ДОНУ

Летом 1998 г. Потуданская археологическая экспедиция Института археологии РАН продолжила свои исследования на среднем Дону. Как и в предыдущие полевые сезоны (1993 - 1997 гг.) основные усилия экспедиции были сосредоточены на раскопках интенсивно разрушаемого курганного могильника скифской эпохи между селами Терновое и Колбино (на границе Острогожского и Репьевского районов Воронежской обл.). Всего за полтора месяца (июль - середина августа) было вскрыто пять курганов - № 4 - 7 и 23 (рис. 1).

Четыре кургана (№ 4 - 6 и 23) имеют более или менее однотипное устройство. Под сильно деформированными от интенсивной ежегодной распахки насыпями высотой от 0,3 до 1 м внутри кольца желтой материковой глины (выкид из могильной ямы) находились могилы квадратной или прямоугольной формы с закругленными углами. Ориентированы они по линии либо запад - восток (№ 4 и 23), либо север - юг (№ 5 и 6). Размеры ям у дна от 3,8 x 3,1 м (№ 6) до 4,9 x 4,8 м (№ 4). Глубина от уровня погребенной почвы до 2,3 м (№ 4) (рис. 2).

Стены могильной ямы облицовывались вертикально стоящими деревянными плахами или досками, которые крепились в неглубоких желобках, выкопанных в дне могилы по ее периметру. Перекрытие (видимо, плоское, из плах или досок) поддерживалось девятью опорными столбами (восемь в углах и вдоль стен, один в центре) и своими краями опиралось также на деревянные стены и выкид желтой глины, окружавший могилу. Правда, в кургане № 5 опорных столбов было не девять (такая конструкция наиболее типична для среднедонских курганов скифской эпохи), а одиннадцать.

В двух случаях (курганы № 4 и 23) в могилу вел специальный коридор - "дромос" длиной до 5 м и шириной до 1,5 м. В заполнении и на дне "дромосов" ничего не обнаружено.

Все перечисленные выше курганы были разграблены еще в древности. Грабительские ямы отчетливо прослеживались при зачистке центральных бровок.

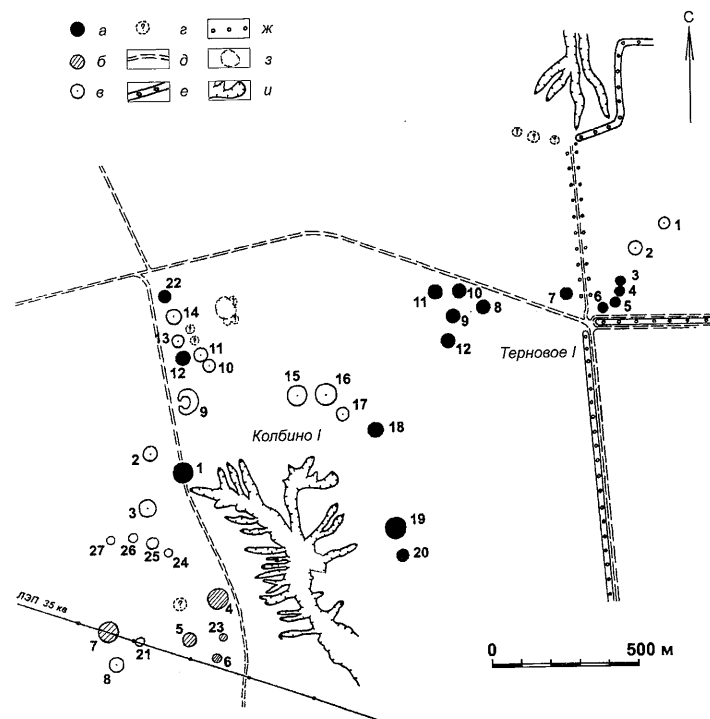

Рис. 1. План курганных могильников Колбино I и Терновое I.
а - курганы, раскопанные до 1998 г.; б - курганы, раскопанные в 1998 г.;
в - нераскопанные курганы; г - курганы, зафиксированные
аэрофотосъемкой; д - грунтовая дорога; е - шоссе;
жс - лесопосадки; з - западина; и - овраг.